

главной проблемой, как и для большинства однополчан, было как выжить в блокаду и как спасти жителей Ленинграда, т. е. во второй части мы видим переход от самовлюбленного человека в социально-активную личность.

Третья часть показывает человека «потерянного поколения», который «застрял» в прошлом и переносит его на настоящее, на послевоенную жизнь. Он отказывается сбросить со своих плеч «шинель б/у», принять необустроенность семейного быта: «Надо было застеклить окно, раздобыть стол, стулья, кровать... С какой-то враждебностью она показывала мне чемодан взамен колыбели для ребенка, оборванные красные обои, закопченный потолок. Что, не нравится? И быть кому-то обязанным чем-то Жена не позволяла? Да пошла она... Пошли вы все, имею право!» [4, с. 365—375]. Но все же в финале романа мы видим попытки адаптироваться человека «потерянного поколения»: «Они уходили, почти все ушли, кто куда. Среди них я вдруг увидел моего лейтенанта. Он тоже уходил вместе с Женей Левашовым, Володей Лаврентьевым. Совсем молодой, тоненький, перетянутый ремнем... Надоела его наивность, доверчивость, он никак не мог понять, что со мной произошло. Конечно, жаль, что мы расстаемся, но пора жить без него, без его мечтаний и упреков» [4, с. 491]. Именно этот момент является переломным в жизни уже не лейтенанта Д., а старого человека с большим жизненным опытом.

Заключение. В новом романе Даниила Гранина «Мой лейтенант» «осложненная» композиция: умышленное нарушение хронологии произведения, постоянное «погружение» читателя в поток сознания и присутствие в романе трех повествователей. Все это способствует показу эволюции характера героя: переход от человека, который ищет славу (как Андрей Балконский), к человеку, который ищет выход из состояния «потерянного поколения» (лейтенант Д.).

Список цитируемых источников

1. Литвин, В. Б. Введение в литературоведение : учеб. пособие для студентов фак. педагогики и психологии / авт.-сост. В. Б. Литвин. — Мурманск : МГПУ, 2007. — Ч. 1. — С. 30—40.
2. Горький, М. Беседа с молодыми : собр. соч. : в 30 т. / М. Горький. — М. : Художеств. лит., 1953. — Т. 27. — С. 215.
3. Введение в литературоведение : учеб. для филол. специальностей ун-тов / Г. Н. Поспелов [и др.] ; под ред. Г. Н. Поспелова. — 2-е изд., доп. — М. : Высш. шк., 1983. — С. 117—122.
4. Гранин, Д. А. Мой лейтенант / Д. А. Гранин. — М. : Олма Медиа Групп. — 2011. — 491 с.

УДК 81.271.2

Ю. С. Савош, З. И. Корзун

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКОЙ СКАЗКИ

Введение. В последнее время чрезвычайно актуальными стали исследования языка в плане его взаимодействия с культурой. Центральным направлением современного иноязычного образования является одна из наиболее активно развивающихся в последнее время областей знания — лингвокультурология, главная задача которой состоит в изучении и описании взаимосвязи языка и культуры, языка и этноса, языка и менталитета народа, она создана на основе триады «язык — культура — человеческая личность», её научный аппарат представляет собой ту сущность, которая позволяет установить материальную и ментальную этническую самобытность [1, с. 25]. Интенсивность лингвокультурологических исследований обусловливается стремлением к пониманию феномена культуры как специфической формы существования человека и общества в мире.

Целью данного исследования является определение этнокультурных и лингвостилистических особенностей белорусской сказки (в обработке Алеся Якимовича). Его актуальность определяется особой ролью сказки как текста и языка сказки в системе гуманитарной парадигмы, необходимостью исследования этнокультурных и лингвокультурологических параметров сказки как текста.

Сказка выступает как одна из самых древних форм устного творчества, она является мостиком между разными поколениями, странами, эпохами, этносами. Еще И. Г. Гердер утверждал, что сказка «с одной стороны, это форма художественного выражения мысли, с другой — предмет научного исследования», что особо актуально при изучении иностранного языка [2, с. 142]. В данном случае сказка выступает не только как выдуманная история, но и как историческое произведение, дающее полезные знания. Она является синтезом народной мудрости, народного таланта, народного мировоззрения, поэтому сказка, особенно народная, помогает точнее понять культурологические, страноведческие явления и национальный характер не только народа страны изучаемого языка, но в первую очередь своего собственного.

Основная часть. Что касается белорусских сказок, то им присущи глубокая народная мудрость, высокая поэтичность образов, стойкая и светлая вера в человека, в его силы и возможности, целомудрие и чистота, несравненный, неподражаемый юмор и острая сатира, простота и доступность содержания, занимательность

повествования. Основной особенностью белорусского сказочного фольклора является сильная мифологическая основа, сохранение знаний и представлений о быте прежних времен. В белорусских сказках выражение этнокультурных и лингвостилистических особенностей представителей белорусской лингвокультуры происходит на основе использования средств лексического уровня.

В белорусских сказках часто встречается сравнение людей или животных с природой, а также событий между собой: «Калі ён табе патрэбен будзе — крыкні-свісні поўным голасам, і конь *стане* перад табою, як *ліст перад травой*» [3, с. 7]. Отсюда можно сделать вывод, что человек в белорусских сказках очень тесно связан с природой, он никогда не сдаётся. Несмотря на то, что что-то до этого не получилось, герой и дальше будет добиваться своей цели.

Белорусский фольклор насыщен различными эпитетами, которые служат для выделения основной характерной черты персонажа или предмета, что отражает стремление народа дать наблюдаемому явлению эмоционально окрашенную характеристику: «Жыў на свеце адзін *добры чалавек*» [3, с. 2]. «Слухай мяне, сынку: у *зялёных лугах, на шаўковых мурагах* пасецца конь *сівай масці, з залатою грываю*» [3, с. 6]. В белорусских сказках эпитеты служат для описания характера человека, красоты белорусской природы. Данный факт может говорить о том, что белорусы гордятся своей Родиной, местом, где они родились и живут. Также можно отметить уважительное отношение к животным, в большинстве сказок лучшим другом человека является именно лошадь: она помогает, выручает, даёт мудрые советы герою, вместе они преодолевают все трудности.

В белорусских сказках герои часто используют фразеологизмы, пословицы и поговорки, которые обогащают речь героев и само содержание сказки, показывая при этом народную мудрость: «Як пад'едзеш да сталіцы, каня пускай, а сам ідзі да студні і скажы, што ты адзін бярэшся льва паіць. А калі цар нойме цябе, дык *не спі ў шапку*» [3, с. 23]. «Начуйце сабе на здароўе», — кажа бабуля. «*Той, хто па дарогах ходзіць, хаты з сабою не носіць*» [3, с. 22]. Анализируя фразеологизмы, пословицы и поговорки, мы можем сказать, что для белорусской нации характерны такие качества, как трудолюбие и глубокий ум.

Белорусской народной сказке характерно также употребление чисел, в частности, «три» (тры сыны, тры ночы, тры капейкі грошай) и двенадцать (дванаццаць дачок, дванаццаць работнікаў). В славянской мифологии число «три» символизирует завершенность и полноту некоторой последовательности, имеющей начало, середину и конец. В белорусских сказках прослеживается четкая последовательность событий. Для достижения любой цели герой совершает действие трижды: «Сеў Іван на каня і паляцеў. *Тры разы* свет абляцеў і да зямлі не дакрануўся. Прымчаўся на старое месца» [3, с. 7].

Число «двенадцать» считалось сверхсовершенным числом, символом законченности и божественного круга, вращающего вселенную. Оно обозначает цикличность, например, двенадцать месяцев, двенадцать знаков Зодиака. В белорусских сказках часто встречается число «двенадцать», связанное с единицей измерения веса, например: «Вярнуўся Іван у харомы, выпрасіў у цара дзедзюўскі бязмен на *дванаццаць пудоў*. Узяў яго ў рукі і махае, як трысцінкай» [3, с. 20]. Отсюда можно сделать вывод, что белорусы — сильный народ (пуд — устаревшая единица измерения массы, которая равна 16,380 кг).

Что же касается имен собственных, то выбор имен в белорусских сказках не особо разнообразен. Наиболее часто встречающимися именами являются Иван, Янка, Алёнка: «Было ў яго тры сыны — два разумныя, а трэці *Іван-прасцяк*» [3, с. 2]. «Жыў сабе сіраціна *Янка*, леснікоў сын» [3, с. 27]. «Жыў дзед і баба. І была ў іх дачка *Алёнка*» [3, с. 37]. Следует также отметить, что для белорусских сказок также характерна и неопределенность имен героев (Крапіўніца, Марскі Бягун, Вусач, Вадапой, Пражора, Мароз, Пакацігарошак): «Таму, дачушка, што ты ў нас адна: няма ў цябе ні братоў, ні сяцёр. Расцеш, як тая *крапіва* пры плоце. Таму і завуць цябе *Крапіўніцай*» [3, с. 37].

Исследование свидетельствует о том, что выбор имен героев белорусских сказок зависит от вида деятельности персонажа. Кроме того, некоторые персонажи названы теми предметами, на которые они похожи внутренне и внешне.

Заключение. Анализ средств лексического уровня позволяет выявить этнокультурные и лингвостилистические особенности белорусской сказки, в которой четко определены, в первую очередь, характерные ментальные черты белорусов: размышление над вопросом о смысле жизни; созерцательность; нетрадиционное решение проблем; приоритет силы духа над физической силой; ценность любви, общения, верности, сострадания к людям и животным; убежденность. Белорусы осознают, что за милость, сострадание, терпение и стойкость можно получить воздаяние в виде счастья и удачи, основой которых является свобода.

Список цитируемых источников

1. Арутюнова, Н. Д. Русский язык / Н. Д. Арутюнова, Г. В. Степанова. — М. : Просвещение, 1979. — 410 с.
2. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер. — М. : Наука, 1977. — 703 с.
3. Бацькаў дар : беларускія народныя гераічныя і фантастычныя казкі / пад апрац. А. Якімовіча. — М. : Юнацтва, 1982. — 222 с.